

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)5

К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги*

Ю.А. Лысенко, М.Ф. Лысенко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

To the Question of State Apparatus Indigenization Policy of Turkistan and Kurgyzstan (Kazakhstan) Autonomous Soviet Socialistic Republics RSFSR (1919–1924): Aims, Stages, Results

Y.A. Lysenko, M.F. Lysenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

На основе анализа исторической литературы и выявленных источников анализируется политика большевистского руководства по коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР в 1919–1924 гг. Выявлено, что данная политика осуществлялась в рамках реализации правительством РСФСР права наций на самоопределение на федералистских началах, использовалась как мощное пропагандистское оружие большевиков в борьбе со своими политическими оппонентами и как средство советизации центральноазиатских окраин.

Практически шаги в данном направлении осуществлялись в двух направлениях. Во-первых, были удовлетворены притязания национальных элит на их исключительное положение в регионе с расширением своего представительства в местных органах власти (прежде всего в номенклатуре командных должностей). При этом политика коренизации была направлена на формирование такого состава национальных кадров партийного и советского аппаратов автономий, которые являлись бы активными проводниками и неукоснительными исполнителями политики РКП (б) в регионе. Во-вторых, коренизация сопровождалась введением делопроизводства во всех государственных органах власти и учреждениях Туркестанской и Казахской советских социалистических республик на русском и коренном языках. Анализ результатов

This article explores Bolshevik leadership policy of indigenization of public administration apparatus of Turkistan and Kurgyzstan (Kazakhstan) autonomous Soviet Socialist Republics RSFSR in 1919–1924. It is discovered that the policy was implemented by the RSFSR administration within the limits of realization of nation self-determination rights that was based on federalist beginnings. That policy was used as a powerful propagandistic weapon of the Bolsheviks against their political opponents and as the means of Central Asia outskirts sovietization.

Practical steps were taken in two directions. Firstly, exceptional position in the region was given to national elites. At the same time the policy of indigenization was aimed at forming national staff of party and soviet autonomy apparatuses that were active policy guards and executors in the region. Secondly, the indigenization was accompanied by introduction of office work to all administration bodies and institutions of Turkestan and Kazakh Soviet Socialistic Republic in the Russian and ethnic languages. The analysis of this policy confirms that it was successful and it was a powerful stimulus for ethnical consciousness rise of native nations of the regions and for ethnical consolidation processes.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

данной политики позволяет утверждать, что она имела определенные успехи и явилась мощным стимулом для роста этнического самосознания коренных народов региона и процессов этнической консолидации.

Ключевые слова: Россия, большевики, Туркестан, Казахстан, коренизация, самоопределение, автономия.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-20

Революционные события в России 1917 г. в значительной степени активизировали рост национально-освободительного движения народов бывшей империи. Термин «национальный» при этом необходимо употреблять как условный, поскольку в Российской империи большинство народов, включая русский, находились на донациональной стадии развития общества и культуры. Начавшаяся в пореформенный период модернизация к 1917 г. оказалась незавершенной и не смогла трансформировать господствовавшие в массовом сознании установки традиционных политических культур. Поэтому, строго говоря, и в общественно-политической мысли народов Российской империи национализм не сформировался как идеология. До Февраля 1917 г. сильных этносепаратистских движений, имевших массовую поддержку (за исключением Польши и Финляндии), в Российской империи не было. Из 160 депутатов IV Государственной думы от национальных районов 150 поддерживали идею «единой и неделимой России». Тенденции ее распада возникли именно с разрушением «центра», с самоликвидацией монархии.

В этих обстоятельства носителями идей национализма, а в период революционных событий 1917 г. — самоопределения, выступили узкие круги национальных буржуазных интеллигенций. Именно по их инициативе и активном участии началась суверенизация отдельных этнорегионов бывшей Российской империи. При этом, по мнению большинства российских исследователей, данный процесс определялся скорее «тяготением к региональной самостоятельности, а вовсе не национал-территориальной государственностью». Ни одно из «националистических» движений не ставило целью разрушение общероссийского комплекса, напротив, речь шла о воссоздании его на федералистской основе [1–4].

Национальная политика Советского государства способствовала росту доверия к центральной власти. В основу ее был заложен принцип равенства всех наций и народностей и право наций на самоопределение, закрепленные в Декларации прав народов России (2 ноября 1917 г.) и Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.). Свободными и неприкосновенными объявлялись верования, обычаи, национальные и культурные учреждения народов Поволжья и Крыма,

Key words: Russia, Bolsheviks, Turkistan, Kazakhstan, indigenization, consciousness, autonomy.

Сибири и Туркестана, Кавказа и Закавказья, что вызвало рост доверия к новой власти не только со стороны инородцев России (составлявших 57% населения), но и в странах Европы, Азии. Правом на самоопределение воспользовались в 1917 г. Польша и Финляндия.

Тем не менее позиции партии большевиков в национальных окраинах были крайне уязвимы. Необходимо было ускоренными темпами провести советизацию регионов и их большевизацию. Ход политической борьбы за власть в России, последовавшие за Октябрьской революцией Гражданская война и интервенция, расстановка классовых сил в отдельных этнорегионах, амбиции национальных лидеров обусловили появление первых автономных образований на территории России. Образование национальных автономий было уступкой большевиков «независимцам» с целью предотвращения сепаратистских движений. Ряд авторов прямо рассматривают появление первых национальных автономий как следствие тактического союза, намеренно заключенного большевиками с этнонационалистами ради достижения стратегической цели — захвата власти.

В центральноазиатских национальных окраинах влияние большевиков было еще более слабым. В годы революционных потрясений здесь складывалась во многом уникальная ситуация, являвшаяся прямым наследием имперского периода. Включение данного региона в сферу интересов России в 60–70-х гг. XIX в. поставило на повестку дня вопрос о его интеграции в общеимперское социально-экономическое и политико-правовое пространство. В условиях начавшихся буржуазных преобразований в Российской метрополии данный этнорегион, находившийся на доиндустриальной стадии развития, объективно оказался вовлеченным в процесс модернизации.

В ходе этого процесса прежде всего началось разрушение традиционных экономик, потестарно-родовых и кланово-семейных отношений, формирование рыночного сектора экономики, соответствующей ему инфраструктуры, усиление социальной мобильности коренного населения, сопровождавшееся появлением национальных буржуазий и интеллигенций, чиновничества и кадров рабочих из местной этнической среды. Однако в силу ряда факторов экзогенного и эндогенного характера (слабость экономики

России-метрополии, отсутствие крупной буржуазии, англо-российское соперничество на Среднем Востоке и т. д.) экономическая модернизация в Центральной Азии приобрела специфические формы. Это нашло отражение в аграрно-сырьевой направленности экономики региона, преобладании иностранных инвестиций, сохранении традиционных социальных форм и связей, слабых процессах социальной и этнической мобильности коренных этносов и их малом участии в межэтническом разделении труда и формировании рынка рабочей силы. Экономическая модернизация, сопровождавшаяся массовым переселением русского и украинского крестьянства в центральноазиатские национальные окраины, привела к проявлению ярко окрашенного межэтнического конфликта между ними и коренными этносами. Он был связан с массовой экспроприацией земли у местного населения с последующей передачей ее в пользование крестьянам-переселенцам [5].

Незначительные импульсы экономической модернизации определяли своеобразие модернизации традиционных политических культур народов центральноазиатского региона Российской империи. С одной стороны, осуществлялось внедрение демократических элементов западной политической культуры: выборность народных представителей, демократизация выборов через расширение электората, участие населения региона в общественно-политическом процессе, формирование элементов буржуазной демократии, основанных на понятиях «равенство», «свобода», «самоопределение». Политическая борьба на выборах в Государственную думу Российской империи приобретала все необходимые атрибуты: партийные программы, агитацию, предвыборные обещания [6].

С другой стороны, внешние заимствования политических инокультурных инноваций народами центральноазиатских окраин характеризовались рядом специфических черт, а освоение элементов западной политической культуры и местного самоуправления тормозилось отсутствием базиса парламентаризма — социальной структуризации общества исторически сложившимися отношениями предпринимательства и свободного найма рабочей силы, сильных профсоюзов, бюрократии современного типа, развитых политических партий и прессы. Поэтому органы местного самоуправления, активно создававшиеся имперскими правящими кругами в регионе, превращались в арену столкновения клановых и родовых интересов, соперничества в назначении своих членов на административные посты. Политическая индифферентность населения региона предопределила замедленные темпы развития массового демократического общественно-политического движения и партийного строительства. По оценке исследователей, лидеры национальной интеллигенции до 1917 г. не выдвигали планов хотя бы частичных реформ хозяйственной, налоговой и судебно-ад-

министративной систем, проектов преобразования внутреннего управления и организации власти в крае. Первые национальные партии («Алаш», «Уш-жуз», мусульманские организации и др.) активно проявили себя на политической арене региона только в период революций 1917 г. [7, с. 45–54].

В данных условиях большевиками были недооценены сепаратистские настроения этноэлит центральноазиатского региона. Сделав ставку на относительную слабость массового общественно-политического движения и несформировавшуюся идеологию национализма, они на деле столкнулись с масштабной активизацией центробежных сил. Создание Автономии Алаш и Туркестанской автономии произошло на буржуазных, но не большевистских началах, при широкой поддержке мусульманского населения региона и лидеров реформаторского мусульманского движения — джадидов. Кроме этого, стратегической ошибкой большевиков стала недооценка ими межэтнических противоречий между восточнославянскими и коренными этносами региона, порожденных, как указывалось выше, аграрной политикой самодержавного правительства. Конфликт принял формы открытого межэтнического противостояния в 1916 г., когда вспыхнуло массовое движение коренных народов Степного края и Туркестана против мобилизации их на тыловые работы на фронты Первой мировой войны.

Непризнание самопровозглашенных автономных республик в Центральной Азии советской властью, создание на советских социалистических началах в апреле 1918 г. Туркестанской АССР, а в августе 1920 г. Киргизской (Казахской) АССР в составе РСФСР не привело к прекращению межэтнических противоречий. Образование автономий, воспринятое инациональным населением как отделение от собственно России, вызвало резкий всплеск русофобских настроений среди представителей провозглашенных «титულными» народов и, соответственно, усиление межэтнической напряженности. Достаточно отметить, например, что созданный весной 1918 г. в ТАССР Ташкентский Совет народов депутатов — высший исполнительный орган в регионе — являлся коалицией левых эсеров, большевиков, меньшевиков-интернационалистов и максималистов, которые представляли исключительно интересы русскоязычного населения региона. Представители от мусульман региона не вошли ни в Совнарком, ни в Исполком Ташкентского Совета.

Актуальной для большевиков в центральноазиатских республиках являлась проблема большевизации Советов. Например, на созванном в январе 1918 г. IV Краевом (Туркестанском) съезде Советов левые эсеры имели значительно большую поддержку, так как из 263 его делегатов лишь 86 являлись большевиками, а 177 были левыми эсерами, к которым примыкали еще 70 беспартийных [8, л. 2–2об.]. Крайком

Коммунистической партии Туркестана объединял коммунистов только из числа некоренных жителей Туркестана, мусульмане имели отдельные парторганизации, которые до 1919 г. фактически не контролировались Центром. Аппарат центральных и местных органов власти в Туркестане на 60–80% состоял из бывших чиновников имперской администрации. «Большую роль в ауле и кишлаке в восточных национальных республиках, — говорилось в одной из Записок Оргбюро ЦК РКП(б), — играет сохранившийся институт аминов, аксакалов, мирабов (водораспределителей). Обычно на этих должностях находятся лица из байской среды, они фактически заменяют низовой аппарат и своим авторитетом влияют на нашу совработу. Наши директивы на местах... проводятся через этих людей, обычно злоупотребляющих властью».

Следует также подчеркнуть, что регионализация и автономизация этнорегионов РСФСР требовали от лидеров-автономистов необходимость обеспечения экономической самостоятельности и политической значимости, в том числе и на международной арене. Экономическая самостоятельность подразумевала не только контроль над собственными материальными ресурсами, но и эффективное управление ими, преодоление голода, эпидемий, безработицы без расчета на помощь бывшей метрополии. Условия «двойной» войны — интервенции и Гражданской — усложняли и без того трудноразрешимую задачу. Кроме того, сознание народов независимых республик исторически формировалось в условиях совместного проживания и теснейшего взаимодействия с народами РСФСР и друг с другом в рамках единого государства — Российской империи. Вся предыдущая политика была направлена на интеграцию в общегосударственную систему жизнедеятельности, на создание единого правового, социального и экономического пространства, и потребность в них после отделения была велика.

Данные обстоятельства, а также стремление большевиков к захвату власти и укреплению своих позиций в этнорегионах привели к компромиссу между этническими элитами и большевистским руководством. Так, в основу административно-территориального устройства РСФСР был заложен национальный принцип. Конституция РСФСР 1918 г. закрепляла основы федерализма, предполагавшего выстраивание системы взаимодействия между всероссийскими органами отраслевого управления и органами автономных республик. В основу этих отношений легла идея о подразделении ведомств и наркоматов на три категории: общефедеральные наркоматы (иностранная торговля, военные дела), наркоматы двойного подчинения (вопросы продовольствия, финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции, народного хозяйства, путей сообщения, почты и телеграфа)

и чисто республиканские. В результате чего часть отраслей была отдана в прямое подчинение местным властям, и в первую очередь это относилось к Народному комиссариату земледелия, приступившему к решению острейшего для населения Туркестана «земельного вопроса» [9].

Автономные области обладали примерно теми же правами, что и губернии, но имели свои представительства в Москве и использовали язык коренной национальности в делопроизводстве. По Конституции 1918 г. за гражданами РСФСР признавалось право свободного пользования родным языком в суде, управлении и общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивалось право обучения на родном языке в школе.

Таким образом, национально-государственное строительство на федеральных началах и национальных автономий большевики использовали как «раздачу национальной государственности», как мощное пропагандистское оружие в борьбе со своими политическими оппонентами и как средство советизации национальных окраин. В дальнейшем они были вынуждены продолжить политику уступок национальным элитам. Последовательно были удовлетворены притязания национальных элит на их исключительное положение в регионе, с расширением своего представительства в местных органах власти (прежде всего в номенклатуре командных должностей).

Начался процесс «конструирования» советско-партийного аппарата из числа прежней местной элиты несмотря на их социальное происхождение, факты бывшего членства в других партиях или участия в движениях как социалистической, так и буржуазной ориентации. Параллельно задачей Центра в 1918–1919 гг. стала необходимость вынудить Ташкентский Совет народных депутатов — высший исполнительный орган Туркестанской АССР — отказаться от его политики отторжения коренных жителей от власти и начать работу по привлечению представителей коренных этносов во все властные структуры. Решение данной задачи стало возможным благодаря активной деятельности П.А. Кобозева. Именно ему удалось на V Краевом (Туркестанском) съезде Советов, состоявшемся в апреле 1918 г., добиться переизбрания высших органов власти в республике: 9 из 37 членов ТурЦИК, избранного в качестве высшего органа власти в крае, и 4 из 16 членов Совнаркома являлись представителями коренных народов. В течение лета многие из них получили ответственные должности в советских учреждениях и вошли в большевистскую партию, образовав тем самым новую национальную политическую элиту.

Как отмечает А. Халид, формирующаяся национальная политическая элита делилась на две группы. К первой исследователь относил участников джадидского движения, которые весьма радикализировались

благодаря революции 1917 г. и встреченной ими оппозиции внутри собственного мусульманского общества. Они по-прежнему считали, что возможно добиться прогресса лишь просвещением соотечественников, что, в общем, «не противоречило целям русских революционеров, и рассматривали новые органы власти как средство для преобразования своего общества». Вторую группу составляли лидеры национальных интеллигенций, которые получили светское образование в имперский период в русско-туземных школах и вузах России, хорошо владели русским языком и были далеки от джаидов. Однако при этом «страстно желали участвовать в реализации принципов национального самоопределения и культурной революции» [10].

Реализуя задачу коренизации партийно-государственного аппарата управления, большевики осознавали, что намечаемые в будущем социалистические преобразования не могли быть реализованы без массовой поддержки РКП(б) в национальной среде, достигнуть которую было невозможно без широкого привлечения масс нерусского населения к советскому и партийному строительству, внедряя «коренной» язык в делопроизводство [11, с. 298–299]. Политика коренизации была направлена на формирование такого состава национальных кадров партийного и советского аппаратов автономий, которые являлись бы активными проводниками и неукоснительными исполнителями политики партии в регионе. Тем самым в полной мере обеспечивалось бы централизованное руководство из Москвы, необходимое для эффективного функционирования советского государства. Параллельно с этим была поставлена задача изменить социальный состав органов власти автономий на представителей пролетарских и полупролетарских слоев местного населения, признанного в данной автономии «титულным». Данная работа осуществлялась на основе решений ЦК РКП(б) и III Интернационала о развитии советской формы народовластия в странах с господствующими патриархально-феодалными отношениями в форме Советов трудящихся, в Туркестане — аульных и кишлачных Советов. На практике решение данной задачи в Туркестанской АССР началось в конце 1918 г. с последовательного объединения Советов Туркестана: солдатских, рабочих, крестьянских, киргизских и общемусульманских. Форсированная интеграция форм советской власти в крае вела на практике к поглощению мусульманских Советов.

По данным Е.А. Прилуцкого, с середины 1918 г. до середины 1919 г. состав большинства аульных, сельских и волостных органов Туркестанской АССР был ближе к национальному составу соответствующих административных единиц, в них в целом было больше представителей коренного населения. К деятельности же уездных исполкомов и облысполкомов местные трудящиеся привлекались незначительно, главным образом на должности заведующих отде-

лами по национальным делам. В этих исполкомах они составляли менее 50% [12]. Причина видится в том, что в этот период еще не была налажена работа по подготовке кадров советских работников из числа коренных национальностей, занятых к тому же в большинстве своем земледельческим трудом или ведущих полукочевой образ жизни.

В начале 1919 г. наметилась тенденция привлечения коренного населения в советские органы по принципу пропорционального представительства среди депутатов от рабочего класса и крестьянства. Данное решение ЦК РКП(б) было направлено ТурЦИК и Крайкому РКП(б) 10 июля 1919 г. Однако в Туркестанской АССР единства в понимании этой задачи не было. Одна группа партийных работников во главе с А.А. Казаковым, К.Е. Сорокиным была убеждена, что местные трудовые слои не готовы к государственному управлению. Другая группа считала недопустимой политику «постепенщины» в привлечении «мусульманского пролетариата» к советскому строительству и настаивала на немедленном выполнении директивы ЦК РКП(б). IV съезд Коммунистической партии Туркестана и VIII Краевой съезд Советов (сентябрь 1919 г.) высказались в поддержку осуществления пропорционального представительства трудящихся коренных национальностей, отвергнув крайние подходы.

Значительных успехов в реализации политики коренизации советских и партийных органов управления и привлечения к работе в них местных трудящихся Туркестана был призван достичь ряд политических институтов, созданных по инициативе Москвы. Так, в марте 1919 г. в составе Коммунистической партии Туркестана было образовано Мусульманское бюро, перед которым ставилась задача пропаганды идей советской власти среди местного исламского населения и усиления влияния РКП(б). Несколько месяцев спустя, в октябре 1919 г., начала работу Комиссия ВЦИК по делам Туркестана (Турккомиссия). Именно она принимала активные меры по вовлечению в советские органы представителей коренного населения.

Новый этап коренизации партийных и советских органов Туркестана начался в сентябре 1920 г. после принятия V съездом КПТ и IX съездом Советов Туркестана решения о подготовке к переходу в советской работе на местные языки. Доля депутатов местных национальностей в ТуркЦИК увеличилась с 1/3 до 2/3. Усилия по привлечению широких масс трудящихся в Советы, предпринятые в республике при непосредственной помощи ЦК РКП(б) и Турккомиссии, принесли определенные результаты: в 1920 г. среди членов 5 областных ревкомов представителей коренного населения было уже 58,3%, а в низовых ревкомах, к примеру Ферганской области, их удельный вес доходил до 92%. Прошедшие во второй половине 1920 г. — начале 1921 г. перевыборы в местные Советы с заменой ревкомов выборными исполкома-

ми также сопровождалось значительным вовлечением трудящихся коренных национальностей в государственные органы. В 1920 г. к руководству республикой пришли лица, представляющие народы Туркестана, — Т. Рыскулов, А. Рахамбаев, Н.Т. Тюракулов, К.С. Атабаев и др. [12].

В провозглашенной в августе 1920 г. Киргизской (Казахской) АССР национально-государственное строительство осуществлялось в русле аналогичных тенденций. 2 февраля 1921 г. Совет Народных Комиссаров Киргизской (Казахской) АССР принял декрет «Об употреблении казахского и русского языков в государственных учреждениях республики». Согласно документу в государственных учреждениях Семипалатинской, Акмолинской, Оренбургско-Тургайской, Уральской и Букеевской губерний и Адаевского уезда, составляющих территорию Кир(Каз)АССР, вводилось употребление двух языков — киргизского и русского на равных правах. С этого момента все законы и нормативно-правовые акты, «имеющие общий принципиальный характер и исходящие от центральных и губернских органов Кир(Каз)АССР», должны были издаваться и публиковаться одновременно на русском и киргизском языках.

Декрет 1921 г. определял принципы функционирования двух языков в государственных органах власти республики. Так, взаимодействие центральных (РСФСР, в состав которой входила КирАССР) и губернских учреждений республики, а также взаимодействие уездных органов власти с высшими центральными и губернскими учреждениями должно было осуществляться на русском языке. Делопроизводство в аульных, сельских, поселковых Советах, волостных, станичных и районных исполкомах, ревкомах и народных судах, их взаимодействие с уездными органами власти в местностях с киргизским населением должно было осуществляться на киргизском языке, а местностях с русским населением — на русском языке. Аналогично определялось дознание и следствие в Чрезвычайной комиссии и ревтрибуналах — на языке привлеченных к делу лиц. Во всех остальных случаях делопроизводство в учреждениях республики и переписку между ними нужно было осуществлять на одном из двух языков, причем выбор языка в каждом отдельном случае диктовался «соображениями целесообразности и практической пользы» [13, с. 14–15].

Реальная реализация декрета 1921 г. началась через год. Так, например, Народный комиссариат юстиции КирАССР планировал завершить работу по организации судебно-следственной работы на киргизском языке к 1 сентября 1922 г. Однако осуществить данную работу в указанные сроки не удалось. К этому периоду было открыто лишь несколько судебно-следственных участков в волостях с компактным

проживанием казахского населения и несколько казахский отделений при губернских судах. И даже в этих судах казахский язык не был введен в полной мере.

Такая ситуация объяснялась объективными причинами, с которыми государственным органам пришлось столкнуться на начальном этапе реализации закона о введении в делопроизводство языков коренных народов региона. Как было отмечено в циркуляре Народного комиссариата юстиции КАССР от 11 июля 1923 г., у судебных работников отсутствовала «практика по изготовлению на киргизском языке всякого рода актов по судебным делам». Существовали определенные трудности с подбором профессионально подготовленных кадров из представителей местной этнической среды [13, с. 17–18]. Для решения данных проблем Народный комиссариат юстиции предпринимал определенные шаги: была организована работа по подготовке изданных на казахском языке типографским способом форм приговоров, решений, протоколов, постановлений, которыми судьи и следователи киргизских участков должны руководствоваться в своей деятельности. Кроме этого, была проведена работа по переводу и изданию на казахском языке Собраний узаконений и распоряжений правительства КазАССР за 1923 г., Уголовного кодекса РСФСР и ряда других кодексов [13, с. 20].

Более жесткая установка на реализацию задачи коренизации кадров и введения делопроизводства на казахском языке была дана 22 ноября 1923 г. Декретом Центрального исполнительного комитета КАССР «О введении делопроизводства на киргизском языке». Документ определял конкретный срок введения казахского языка в делопроизводство — с 1 января 1924 г. — во всех волостях КАССР и следующих уездах: Адаевском, Тургайском, Челкарском, Темирском, Акбинском и Иргизском Актюбинской губернии; во всех уездах Букеевской губернии, Джампейтинском и Гурьевском — Уральской губернии, Каркаралинском и Зайсанском — Семипалатинской губернии, Акмолинском, Атбасарском и Чарлыкском — Акмолинской губернии. Причем в уездах со смешанным населением вводилось параллельное делопроизводство на киргизском и русском языках. Во всех остальных уездах и губерниях КАССР, за исключением Оренбургской губернии и ее уездов, делопроизводство на киргизском языке вводится полностью не позднее 1 июля 1924 г. В краевых учреждениях работу по введению делопроизводства на двух языках — русском и казахском — необходимо было завершить к 1 января 1925 г.

Всем наркоматам и краевым учреждениям необходимо было издать в течение трех месяцев относящиеся к деятельности каждого из них руководящие законоположения на казахском языке, и с января 1924 г. все проекты декретов и постановлений, подлежащих к утверждению законодательными органами, представлять одновременно на двух языках — на казах-

ском и русском. В специальных учебных заведениях и профессиональных курсах по подготовке работников декретом ЦИК КазАССР от 1923 г. как обязательный предмет вводилось преподавание форм делопроизводства [13, с. 24–25].

6 декабря 1923 г. Постановлением Президиума КирЦИК была создана Центральная комиссия по введению делопроизводства на киргизском языке, а несколько месяцев спустя, в марте 1924 г., — губернские комиссии. Для практической реализации постановления правительства о введении делопроизводства на киргизском языке созданная комиссия должна была разработать план проведения работ, согласовать с соответствующими наркоматами и учреждениями перевод и издание всех законодательных актов, постановлений и циркуляров на киргизский язык, разработать с Народными комиссариатами юстиции и Рабоче-крестьянской инспекции формы делопроизводства и организовать их преподавание; параллельно комиссии вменялось в обязанность координировать и контролировать деятельность местных комиссий в сфере реализации закона о введении делопроизводства на киргизском языке; разработать план по подготовке кадров технических работников по введению делопроизводства на киргизском языке [14, л. 23об.].

Наибольшее количество казахских работников в эти годы было привлечено к работе в структуре Советов, например, в Адаевском уезде — 95%, в Букеевской губернии — 90%. В уездных аппаратах остальных губерний представительство казахских работников колебалось от 25 до 40%. Самый низкий процент был по Кокчетавскому уезду — 8% (38 человек из 477 всех работников, из них 12 человек работали конюхами, сторожами и т. д.). На губернском уровне самое высокое представительство было в Букеевской губернии — 60%, в остальных — от 10 до 15%. Краевые органы были коренизированы к 1925 г. на 8,3% [15].

В целом период 1919–1924 гг., связанный с политикой коренизации, оценивается в историографии как позитивный шаг в реализации большевиками прав наций на самоопределение. В среде национальных

элит центральноазиатских республик этот период вызвал огромные надежды на укрепление статуса коренных языков, культурное возрождение народов региона и успешную модернизацию традиционных политических культур в контексте усиления гражданских позиций населения и активного его участия в политическом процессе. Республиканские государственные органы предприняли решительные меры по введению в делопроизводство языков коренных этносов, подготовке национальных кадров с широким вовлечением их в работу госаппарата.

В то же время политика коренизации столкнулась с определенными трудностями. Серьезным препятствием на пути широкого вовлечения местных трудящихся масс в советское строительство оставалась нехватка национальных кадров. Там, где еще сохранялась значительная зависимость трудящихся от баев, мулл, родоплеменных вождей, например, в кочевых районах и аулах, советские органы сотрудничали с влиятельными лицами из родоплеменной знати, лояльно относившимися к советской власти.

Как отмечают исследователи, «коренизация аппарата сопровождалась острой племенной, родовой, клановой борьбой (в первую очередь это касалось регионов с устойчивыми традициями кланово-патриархальных, родоплеменных отношений). Наметилась тенденция вставания национальной элиты в номенклатурную систему реализации властных отношений Советской России, адаптации ее к иерархии по «кланам» и «родам». Таким образом, уже с 20-х гг. начавшаяся модернизация социально-экономической жизни центральноазиатского общества шла параллельно с консервацией традиционного уклада, клановых, племенных, семейно-родовых отношений [16].

К тому же начиная с 1926 г. акценты в политике коренизации советского руководства начинают смещаться в сторону введения двуязычия, необходимости перехода с арабского на латинизированный алфавит. С этого периода в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР начинается новый этап национально-государственного строительства.

Библиографический список

1. Петров Н.В., Глезер О.Е. Территориально-государственное строительство в России в прошлом, настоящем и будущем // Конституционный вестник. — 1991. — № 7.
2. Булдаков В.Л. XX век российской истории и посткоммунистическая советология // Российская империя, СССР, Российская Федерация: История одной страны. Прерывность и непрерывность отечественной истории XX века : доклады к конференции. — М., 1993.
3. Самоопределение народов: традиции и действующее право // Общественные науки и современность. — М., 1994.
4. Айдулатипов Р.Г. О федеративной и национальной политике Российского государства. — М., 1995.
5. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). — Барнаул, 2014.

6. Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906–1917 гг. (социокультурный подход). — Алматы, 2006.
7. Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. — Алма-Ата, 1970.
8. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 1.
9. Дытынко Ф.В. Национально-государственное строительство в СССР в 1920–1930 гг. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 2006.
10. Халид А. Туркестан в 1917–1920 годах: борьба за власть на окраине России [Электронный ресурс]. — URL: <http://uchebana5.ru/cont/1279077.html>
11. Печенев В.А. Русский народ и судьбы государства российского // Российское государство и общество. XX век. — М., 1999.
12. Прилуцкий Е.А. Национально-государственное строительство в Советском Туркестане в 1918-1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ташкент, 1991.
13. Языковая политика в Казахстане (1921–1990 гг.) : сборник документов и материалов. — Алматы, 1997.
14. Центральный государственный архив Республики Казахстан. — Ф. 5. — Оп. 4. — Д. 18.
15. Смагулов Н.К. Кадровая политика и «метод процентной нормы» в политике коренизации государственного аппарата Казахстана в 1921–1926 годах // Вестник КарГУ. — 2004. — №2.
16. Никульшина Е.А. Национальное представительство в местных органах власти автономных республик и областей РСФСР в 1920 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2004.